

Спектакль по рассказам Надежды Тэффи "Эх, жизнь!"

Сценарий

Пролог

Прощание с Россией. Шум, вопли, смятение.

ТЭФФИ, Аверченко, Адамович говорят о своём творчестве, предназначении.

Прощание.

Рефреном будут звучать слова из рассказа Надежды Тэффи:

- ЭХ, ЖИЗНЬ!

Сцена 1 - Экзамен

— На подготовку к экзамену по географии дали три дня. Два из них Я потратила на примерку нового корсета с настоящей планшеткой. На третий день вечером села заниматься.

(Открыла книгу, развернула карту и — сразу поняла, что) не знаю ровно ничего. Ни рек, ни гор, ни городов, ни морей, ни заливов, ни бухт, ни губ, ни перешейков — ровно ничего.

— А их было много, и каждая штука чем-нибудь славилась.

— Индийское море славилось тайфуном, Вязьма — пряниками, Пампасы — лесами...

— Все славилось!

— Подзубрить названия я еще, может быть, и успела бы, но уж со славой ни за что не справлюсь.

— Господи, дай выдержать экзамен по географии рабе твоей Марии!

— «Господи, дай! Господи, дай! Господи, дай!»

— Три раза.

— Напишу двенадцать раз «Господи, дай», тогда выдержу экзамен.

— Ага! рада, что до конца написала. Нет, матушка! Хочешь выдержать экзамен, так напиши еще двенадцать раз, а лучше и все двадцать.

— Воображаешь, что двадцать раз напишешь, так и экзамен выдержишь? Нет, милая моя, напиши-ка пятьдесят раз! Может быть, тогда что-нибудь и выйдет. Пятьдесят? Обрадовалась, что скоро отделаешься! А? Сто раз, и ни слова меньше...

(она уснула над столом.)

* * *

— У меня каждую минуту сердце останавливается на полчаса!

— Маня Куксина! — закричали ученики. — Ты какие билеты вызубрила? — А? Вот замечай как следует: лодочкой — это пять первых номеров, а трубочкой пять следующих, а с уголками...

— Стыдно так мошенничать! Нужно учиться для себя, а не для отметок.

(Вошел учитель, сел, равнодушно собрал все билеты и, аккуратно расправив, перетасовал их.)

— Госпожа Куксина! Пожалуйте сюда.

— «Климат Германии. Природа Америки. Города Северной Америки»

— Пожалуйста, госпожа Куксина. Что вы знаете о климате Германии?

— Климат Германии славится тем, что в нем нет большой разницы между климатом севера и климатом юга, потому что Германия, чем южнее, тем севернее...

— Так-с! Вы ничего не знаете о климате Германии, госпожа Куксина. Расскажите, что вы знаете о природе Америки?

— Америка славится Пампасами. А Пампасы Льяносами.

— Садитесь, госпожа Куксина.

— Следующий экзамен был по истории.

— Смотрите, Куксина! Двух переэкзаменовок вам не дадут. Готовьтесь как следует по истории, а то останетесь на второй год! Срам какой!

— Весь следующий день я была подавлена. Хотела развлечься и купила у мороженщика десять порций фисташкового, а вечером уже не по своей воле приняла касторку. Зато на другой день — последний перед экзаменами — пролежала на диване, читая «Вторую жену» Марлитта, чтобы дать отдохнуть голове, переутомленной географией.

(Вечером села за Иловайского и робко написала десять раз подряд:)

— «Господи, дай... Десять раз! Очень Богу нужно десять раз! Вот написать бы раз полтора, другое дело было бы! ... Не могу больше! Ух, не могу! Ага! Не можешь! Тысячу шестьсот раз не можешь написать «Господи, дай», а экзамен выдерживать, так это ты хочешь! Так это тебе подавай! За это пиши двести тысяч раз! Нечего! Нечего!

— Нельзя так. Зубрить тоже в меру нужно. Переутомишься — ничего завтра ответить не сообразишь.

(В классе старая картина.)

(Маничка сидит и, ожидая своей участи, пишет на обложке старой тетради: «Господи, дай».)

— Успеть бы только исписать ровно шестьсот раз, и она блестяще выдержит!

— Госпожа Куксина Мария!

— Нет, не успела!

— Что вы знаете о войнах Анны Иоанновны, госпожа Куксина, и об их последствиях?

— Жизнь Анны Иоанновны была чревата... Анна Иоанновны чревата... Войны Анны Иоанновны были чреваты... (вздыхнула) Последствия у Анны Иоанновны были чреватые...

— Не расскажите ли теперь, госпожа Куксина, почему Орлеанская дева была прозвана Орлеанской?

— (молчит)

— Ну-с? Почему же ее прозвали Орлеанской?

— Потому что была девица!

Сцена 2 - Жизнь и воротник

— Человек только воображает, что беспредельно властвует над вещами. Иногда самая невзрачная вещица вотрется в жизнь, закрутит ее и перевернет всю судьбу не в ту сторону, куда бы ей надлежало идти.

— Олечка Розова три года была честной женой честного человека. Характер имела тихий, застенчивый, на глаза не лезла, мужа любила преданно, довольствовалась скромной жизнью.

— Но вот как-то пошла она в Гостиный двор и, разглядывая витрину мануфактурного магазина, увидела крахмальный дамский воротник с продернутой в него желтой ленточкой.

— Как женщина честная, она сначала подумала: «Еще что выдумали!» Затем зашла и купила.

— Примерила дома перед зеркалом. Оказалось, что если желтую ленточку завязать не спереди, а сбоку, то получится нечто такое необъяснимое, что, однако, скорее хорошо, чем дурно.

— Но воротничок потребовал новую кофточку. Из старых ни одна к нему не подходила.

— Олечка мучилась всю ночь, а утром пошла в Гостиный двор и купила кофточку из хозяйственных денег.

— Примерила все вместе. Было хорошо, но юбка портила весь стиль. Воротник ясно и определенно требовал круглую юбку с глубокими складками.

— Свободных денег больше не было. Но не останавливаться же на полпути?

— Олечка заложила серебро и браслетку.

— На душе у нее было беспокойно и жутко, и, когда воротничок потребовал новых башмаков, она легла в постель и проплакала весь вечер.

— На другой день она ходила без часов, но в тех башмаках, которые заказал воротничок.

— Вечером, бледная и смущенная, она, заикаясь, говорила своей бабушке:

— Я забежала только на минутку. Муж очень болен. Ему доктор велел каждый день натираться коньяком, а это так дорого.

— Бабушка была добрая, и на следующее же утро Олечка смогла купить себе шляпу, пояс и перчатки, подходящие к характеру воротничка.

— Следующие дни были еще тяжелее.

— Она бегала по всем родным и знакомым, лгала и выклянчивала деньги, а потом купила безобразный полосатый диван, от которого тошнило и ее, и честного мужа, и старую вороватую кухарку, но которого уже несколько дней настойчиво требовал воротничок.

— Она стала вести странную жизнь. Не свою. Воротничковую жизнь. А воротник был какого-то неясного, путаного стиля, и Олечка, угождая ему, совсем сбилась с толку.

— Если ты английский и требуешь, чтоб я ела сою, то зачем же на тебе желтый бант? Зачем это распутство, которого я не могу понять и которое толкает меня по наклонной плоскости?

— Раз даже она решилась открыть все мужу, но честный малый подумал, что она просто глупо пошутила, и, желая польстить, долго хохотал.

— Вы спросите, почему не догадалась она просто-напросто вышвырнуть за окно крахмальную дрянь?

— Она не могла. Это не странно. Все психиатры знают, что для нервных и слабосильных людей некоторые страдания, несмотря на всю мучительность их, становятся необходимыми. И не променяют они эту сладкую муку на здоровое спокойствие ни за что на свете.

— Однажды ее пригласили на вечер,

— Прежде она нигде не бывала, но теперь воротник напялился на ее шею и поехал в гости. Там он вел себя развязно до неприличия и вертел ее головой направо и налево.

Олечка вся вспыхнула от негодования, но воротник за нее ответил:

— Только-то?

— Вернулась Олечка домой уже утром. Двери ей открыл сам честный муж.

— Он был бледен и держал в руках ломбардные квитанции, вытащенные из Олечкина стола.

— Где ты была? Я не спал всю ночь! Где ты была?

Вся душа у нее дрожала, но воротник ловко вел свою линию.

— Где была? Со студентом болталась!

Честный муж пошатнулся.

— Оля! Олечка! Что с тобой! Скажи, зачем ты закладывала вещи? Зачем занимала у Сатовых и у Яниных? Куда ты девала деньги?

— Деньги? Профукала!

— И, заложив руки в карманы, она громко свистнула, чего прежде никогда не умела. Да и знала ли она это дурацкое слово — «профукала»? Она ли это сказала?

— Честный муж бросил ее и перевелся в другой город.

— Но что горше всего, так это то, что на другой же день после его отъезда воротник потерялся в стирке.

— Кроткая Олечка служит в банке.

— Она так скромна, что краснеет даже при слове «омнибус», потому что оно похоже на «обнимусь».

— А где воротник? — спросите вы.

— А я-то почем знаю, — отвечу я.— Он отдан был прачке, с нее и спрашивайте.

— Эх, жизнь!

Сцена 3 - Свои и чужие

— Всех людей, по отношению к нам, мы разделяем на «своих» и «чужих».

— Свои считают своей обязанностью непременно резать вам в глаза правду-матку, тогда как чужие должны деликатно привирать.

— Чем больше у человека своих, тем больше знает он о себе горьких истин, и тем тяжелее ему живется на свете.

— Встретите вы, например, на улице чужого человека. Он улыбнется вам приветливо и скажет:

— Какая вы сегодня свеженькая!

— А через три минуты (что за такой срок может в вас измениться?) подойдет свой, он посмотрит на вас презрительно и скажет:

— А у тебя, голубушка, что-то нос вспух. Насморк, что ли?

— Если вы больны, от чужих вам только радость и удовольствие: соболезнующие письма, цветы, конфеты.

— Свой — первым долгом начнет допытываться, где и когда могли вы простудиться, точно это самое главное.

— Ну, как это можно было идти без калош к тете Маше! Это прямо возмутительно — такая беспечность в твои лета!

— Кроме того, чужие всегда делают вид, что страшно испуганы вашей болезнью и что придают ей серьезное значение.

— Боже мой, да вы, кажется, кашляете! Это ужасно! У вас, наверное, воспаление легких! Ради Бога, созовите консилиум. Этим шутить нельзя. Я, наверное, сегодня всю ночь не засну от беспокойства.

— Все это для вас приятно, и, кроме того, больному всегда лестно, когда его ерундовую инфлуэнцу, ценою в 37 градусов и одна десятая, величают воспалением легких.

Свои ведут себя совсем иначе.

— Скажите, пожалуйста! Уж он и в постель завалился! Ну, как не стыдно из-за такой ерунды! Возмутительная мнительность... Ну, возьми себя в руки! Подбодришь — стыдно так раскисать!

— Хороша ерунда, когда у меня температура тридцать восемь,

— Великая важность! — Люди тиф на ногах переносят, а он из-за тридцати восьми градусов умирать собирается. Возмутительно!

— На языке своих это называется «подбодрить больного родственника».

— Чужие по отношению к вам полны самых светлых прогнозов.

— Все дела и предприятия вам, наверное, великолепно удадутся. Еще бы! С вашим-то умом, да с вашей выдержкой, да с вашей обаятельностью!

— Свои, наоборот, заранее оплакивают вас, недоверчиво качают головой и каркают.

— У них какие-то тяжелые предчувствия на ваш счет.

— И, кроме того, зная вашу беспечность, безалаберность, рассеянность и неумение ладить с людьми, они могут вам доказать, как дважды два — четыре, что вас ждут большие неприятности и очень печальные последствия, если вы вовремя не одумаетесь и не выкинете из головы дурацкой затеи.

— Сознание, насколько чужие приятнее своих, мало-помалу проникает в массы, и я уже два раза имела случай убедиться в этом.

— Однажды — это было в вагоне

— Чего вы развалились-то! Нужно же соображать, что другому тоже место нужно. Если вы невоспитанный человек, так вы должны ездить в собачьем вагоне, а не в пассажирском. Имейте это в виду!

— Удивительное дело! Видите меня первый раз в жизни, а кричите на меня, точно я вам родной брат! Черт знает, что такое!

— Второй раз я слышала, как одна молодая дама хвалила своего мужа и говорила:

— Вот мы женаты уже четыре года, а он всегда милый, вежливый, внимательный, точно чужой!

— И слушатели не удивлялись странной похвале. Не удивлюсь и я.

— Эх, жизнь!

Сцена 4 - Блины

— Это было давно. Это было месяца четыре назад.

— Сидели мы в душистую южную ночь на берегу Арно.

— То есть сидели-то мы не на берегу, — где же там сидеть: сыро и грязно, да и неприлично, — а сидели мы на балконе отеля, но уж так принято говорить для поэтичности.

— Компания была смешанная — русско-итальянская.

— Так как между нами не было ни чересчур близких друзей, ни родственников, то говорили мы друг другу вещи исключительно приятные.

— В особенности в смысле международных отношений.

— Мы, русские, восторгались Италией. Итальянцы высказывали твердую, ничем несокрушимую уверенность, что Россия также прекрасна. Они кричали, что итальянцы ненавидят солнце и совсем не переносят жары, что они обожают мороз и с детства мечтают о снеге.

— В конце концов мы так убедили друг друга в достоинствах наших родин, что уже не в состоянии были вести беседу с прежним пафосом.

— Да, конечно, Италия прекрасна, — задумались итальянцы.

— А ведь мороз, — он... того. Имеет за собой — сказали и мы друг другу.

— И сразу сплотились и почувствовали, что итальянцы немножко со своей Италией зазнались и пора показать им их настоящее место.

— Они тоже стали как-то перешептываться.

— У вас очень много шипящих букв, — сказал вдруг один из них. — У нас язык для произношения очень легкий. А у вас все свистят да шипят.

— Да, — холодно отвечали мы. — Это происходит от того, что у нас очень богатый язык. В нашем языке находятся все существующие в мире звуки. Само собой разумеется, что при этом приходится иногда и присвистнуть.

— А разве у вас есть «ти-эч», как у англичан? — усомнился один из итальянцев.
— Я не слышал.

— Конечно, есть. Мало ли что вы не слышали. Не можем же мы каждую минуту «ти-эч» произносить. У нас и без того столько звуков.

— У нас в азбуке шестьдесят четыре буквы, — ухнула я.

— Итальянцы несколько минут молча смотрели на меня, а я встала и, повернувшись к ним спиной, стала разглядывать луну. Так было спокойнее. Да и к тому же каждый имеет право созидать славу своей родины, как умеет.

— Вот приезжайте к нам ранней весной, — сказали итальянцы, — когда все цветет. У вас еще снег лежит в конце февраля, а у нас какая красота!

— Ну, в феврале у нас тоже хорошо. У нас в феврале масленица.

— Масленица. Блины едим.

— А что же это такое блины?

- Мы переглянулись. Ну, как этим шарманщикам объяснить, что такое блин!
- Блин, это очень вкусно, — объяснила я. Но они не поняли.
- С маслом, — сказала я еще точнее.
- Со сметаной, — вставил русский из нашей компании.
- Но вышло еще хуже. Они и блина себе не уяснили, да еще вдобавок и сметану не поняли.
- Блины, это — когда масленица! — толково сказала одна из наших дам.
- Блины... в них главное икра, — объяснила другая.
- Это рыба! — догадался, наконец, один из итальянцев.
- Какая же рыба, когда их пекут! — рассмеялась дама.
- А разве рыбу не пекут?
- Пекут-то пекут, да у рыбы совсем другое тело. Рыбное тело. А у блина — мучное.
- Со сметаной, — опять вставил русский.
- Блинов очень много едят, — продолжала дама. — Съедят штук двадцать. Потом хворают.
- Ядовитые? — спросили итальянцы и сделали круглые глаза. — Из растительного царства?
- Нет, из муки. Мука ведь не растет? Мука в лавке.
- Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами, полчаса назад восторгавшимися нашей родиной, легла глубокая, темная пропасть взаимного недоверия и непонимания.
- Знаете, что, господа, — нехорошо у нас как-то насчет блинов выходит. Они нас за каких-то вралей считают.
- Положение было не из приятных.
- Но между нами был человек основательный, серьезный — учитель математики. Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчетливо и внятно:

— Сейчас я возьму на себя честь объяснить вам, что такое блин. Для получения этого последнего берется окружность в три вершка в диаметре. Пи-эр квадрат заполняется массой из муки с молоком и дрожжами. Затем все это сооружение подвергается медленному действию огня, отделенного от него железной средой. Чтобы сделать влияние огня на пи-эр квадрат менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеариновыми кислотами, т. е. так называемым маслом. Полученная путем нагревания компактная тягуче-упругая смесь вводится затем через пищевод в организм человека, что в большом количестве вредно.

— А с какою целью вы все это делаете?

— Чтобы весело было!

Финальный танец